

РОМАН В ДВУХ ЧАСТЯХ, С ЭПИЛОГОМ

Только бы жить, жить и жить!

Как бы ни жить — только жить!.. Экая правда!

Господи, какая правда! Подлец человек!

И подлец тот, кто его за это подлецом называет.

Ф. М. Достоевский
«Преступление и наказание»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

PRO

ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Силов устал жить. Это он сам сказал: «Устал, блин... Устал жить». Ну, не совсем, конечно, устал... До этого он еще не додумался — рановато, видимо. А просто устал — и все.

Случилось это не в одно мгновение. Да такого и быть не может — бац, и сразу устал. Все это происходило постепенно, медленно, сразу и не заметишь. Год назад или около этого Силову вдруг захотелось стать новым русским. Новым беззаботным русским, как он это понимал. Новые русские давно уже кончились, но понятие это еще было живо и даже употребимо в специальных разговорах. Когда на кухне совершенно неожиданно, но очень естественно речь заходила о жизни, о смысле ее, то есть обо всем таком, ради чего специально-то и не соберешь людей...

Решив стать новым русским, Силов первым делом обновил жену. Прежнюю, Людмилу, он оставил в квартире с маленьким балконом, двумя детьми, мебелью, велосипедом и кошкой Тиной. С собой он взял только личные вещи, телевизор и машину. Машина, впрочем, и не обсуждалась — на ней, кроме Силова, и ездить никто не мог — рухлядь праворульная. Да и ушел он не как в кино показывают — хлопнув дверью — нет! Жена высказалась

просто и коротко: «Вали-ка ты, Силов, и без тебя проживем...»

Силов и свалил. В маленькую квартиру, оставшуюся после матери, которую уже месяца три как не могли сдать — желающих не было. Квартира была крохотная, но зато обжитая. Там он принимал молоденькую Лизу, педикюршу из «Дома красоты» — свою новую жену, не расписанную пока еще с ним, но уже готовую к этому. Регистрация брака была назначена на ближайшую пятницу и прошла тихо для всех, включая и молодоженов. У Лизы было огромное достоинство перед Людмилой — она была моложе лет на двадцать. Если не больше. Внешне уж точно больше. Это преимущество сыграло огромную роль — рядом с Лизой Силов чувствовал себя богатой личностью. Нет, она совсем не была куклой. Но разница в опыте сказывалась, к тому же Лиза выросла без отца, и ей совсем не хотелось быть главной, сильной, похожей на свою мать женщиной. Ей очень хотелось быть маленькой, послушной, даже чересчур послушной. Это Силова привлекало — он с удовольствием играл в командира, хозяина, начальника, отца... И чем больше он был безапелляционным, тем сильнее Лиза погружалась в то интимное послушание, которое доводит мужчин до тихой бешеной радости — Силов не стеснялся ни одного своего мужского желания. Попробовав все, или почти все, что только было возможно в его фантазиях, он остановился на безобидном телевизоре с утренними развлечениями для домохозяек. Для этого он специально просыпался на полчаса-час раньше, выпивал стакан воды и включал телевизор. Найдя программу, которая его не раздражала, Си-

СИМФОНИЯ УБИЙСТВА

лов ложился снова в кровать, закуривал, делал две затяжки, поскольку девушка не выносила табачного дыма, тушил сигарету и молча будил Лизу. Новая жена, не открывая глаз, прижималась к Силову и медленно губами проверяла каждую клеточку его тела. Делала она это уверенно и спокойно. Силлов иногда приподнимал голову и смотрел на Лизу: та была занята своим делом и совсем не реагировала на проверочные поглаживания. Для нее существовало только одно — она сама и ее ласка. Но Виктор чувствовал больше, чем какое-то там наслаждение. Лиза была скрипкой, которая могла играть сама по себе — если слышать эту музыку, а Силлов слышал. Появлялось еще одно (да и не одно) чувство вдохновенного секса. Не секса потного, утробного, дышащего или даже стонущего, нет. Секса тихого, когда тело находится в каком-то облаке, а сознание только фиксирует это и остается свободным — музыка гуляет по всему человеку-мужчине. Музыка, которая никогда и никем не была написана. Она принадлежала только Силову и той скрипке, которая не понимала, какой же она все-таки инструмент.

Прежняя, Людмила, никогда не была ничем тонким или музыкальным, если уж и сравнить ее с Лизой, то, кроме ритмичного «ум-ца-ца, ум-ца-ца», ничего Людмилу с музыкой не связывало. Она была прекрасной хозяйкой, товарищем, матерью и так далее... мелодии в ней не было. В Лизе же не было никакой хозяйки — была сама Лиза-скрипка, и все. Это и делало Силова счастливым.

Неожиданно для самого себя он тоже пристрастился к подобным ласкам. Просто уходил в себя — «улетал», как он однажды высказался. В такие ми-

нуты-часы его ничего не тревожило — ни жизнь, ни работа, ни деньги... Он иногда даже вспоминал «живите, как птицы», но потом сам же и стеснялся этого воспоминания; уж больно некстати оно приходило. Силов гнал от себя эту цитату и, чтобы отвлечься, начинал думать о работе. Это уже не мешало заниматься тем же, чем увлекалась и Лиза по утрам под сигаретный дым и щебетанье из телевизора.

Силов служил в местном музыкальном театре дирижером. Радости это особой не приносило. Небольшая зарплата, три-четыре занятых вечера в неделю, и все. Ну, еще два раза в год утренние репетиции по полтора месяца. Сам театр обслуживал директрису, ее амбиции и пионерско-комсомольские, от прошлой должности, ценности. Иногда театр прогибался и под художественного руководителя-режиссера, но под Силова — никогда. Эти две сволочи — худрук и директриса — съедали Силова в пять минут, он плелся домой или в ресторан Дома актера залить огонь недовольства маленькой рюмочкой коньяка и полулитровой кружкой местного пивка с неизменной селедкой под шубой, которую подавали в квадратной формочке, укрытой пленкой...

Оркестрантов и тем более оркестранток он интеллигентно ненавидел. Даже в мгновения собственных срывов Силов молча останавливал оркестр и после продолжительного взгляда произносил просто и негромко: «Тут дизель, мужчина-музыкант...» Разговаривать подробнее или даже крикнуть ему было презрительно противно. Еще в консерватории, студентом, он распознал эту касту — будущих музыкантов оркестра. Абсолютно без амбиций,

СИМФОНИЯ УБИЙСТВА

скрипачи-валторнисты ходили на все лекции и тупо слушали, иногда даже очень увлеченных, преподавателей. После обеда начинались профессиональные пары, и три-четыре часа все эти маэстро выводили хором музыку, которая в партитуре звучала иначе — там она звучала божественно. А молодой Сиров заперся у себя в общаге с талмудом нот и погружался в мир, который был слышен только ему. Вот в такие минуты, которые давно уже прошли и практически бесследно, вот в такие минуты юный Сиров был красив, невесом и предельно художественен. Музыка он понимал биологически, изнутри, без всякой логики и эмоционального объяснения ее — он ее слышал, и все.

Театр расставил все на свои места — если исключить оркестр и вокалистов, то в нем служили и не бездарные люди — худрук, директриса, заведующий музыкальной частью, старший машинист сцены... Особенно главный хормейстер — это была милая женщина шестидесяти лет, ухоженная, красивая, маленькая, предельно образованная и тихая. Звали ее в театре Полпорции, скорее всего, за миниатюрность. Она была единственной в театре, кто понимал дирижерство. Сиров ей доверял — забегал в кабинет к ней, получал конфетку и коньячок, молчал и тихо отпотевал душой.

Были, были в театре люди, были... Но какая-то заноза угнетала этих людей: публика, министерство, безденежье, репертуар, наполовину урезанный — на полный оркестр денег не хватало. Мечта продирижировать оркестром в сто человек иссякла давно — на улице Сиров уже ничем не отличался от рядом идущих на производство людей. Разве что

поток на фабрики был активен в те часы, когда он еще спал. В его же время улица была поразноцветнее, но не больше.

Виктор, а Силов был Виктором, частенько сходил с тропы на работу и садился на скамейку анализировать движение себе подобных. Скорее всего, именно в такие смотрины и стало приходиться сознание: «Блин, устал...» Или, что было уже точно процитировано: «Устал, блин... Устал жить».

II

Лизины утренние программы делали для Силова главное: театральная тоска уходила на дальний план, а то и вовсе исчезала. Вечерами Лиза работала допоздна, а Виктор умудрялся в это же время дирижировать «инвалидами с инструментами», как он выражался внутри себя, и одновременно слышать ту музыку, что была зафиксирована типографией в партитуре. После спектакля он шел в Дом актера, где традиционно пил пиво с селедкой под шубой и уже под занавес хлопал рюмку коньяка, которую приносили с самого начала. Коньяк, совсем немного коньяка, был кодой еще одного дня. Если же в ресторан заходили артисты по случаю премьеры или дня рождения, то Силов сидел дольше и слушал под караоке любимые песни народа — тут дарование вокалистов оказывалось на месте... Очарование простой историей и совсем банальной гармонией доводило поющего до настоящего чувства — у певца слезы текли, голос вздрагивал в нужный момент. Посетители слушали — мир, казалось, идеален и вечен. Верди, любимый Верди исчезал из Силова, но Виктор и не

СИМФОНИЯ УБИЙСТВА

сопротивлялся. Невозможно сопротивляться искреннему, пусть даже предельно избитому ощущению сентиментальности человеческой судьбы... Но как только смолкало народное и искреннее, возвращался Верди, укоризной смотрел на Силова, который уже шел домой с очередной порцией усталости...

Дома, выпив кофе, ложился спать. Это было традицией — кофе на ночь. Лиза еще работала — мало кого интересовал театр, больше заботились о внешнем виде. Виктор засыпал быстро — ворочался минуты три, не больше. Поза выбиралась тщательно: поняв, что так не заснет, Силов поворачивался и проверял следующее положение. Три-четыре раза повертевшись, он засыпал крепко и мгновенно.

Часа через два он просыпался — первый сон от пива и коньяка отпускал дирижера, и Виктор несколько минут лежал с полуоткрытыми глазами. Он наблюдал за Лизой, которая смотрела ужастики — телевидение не показывало ничего в это время, — поэтому девушка приспособилась отыскивать в Интернете фильмы со всякими вурдалаками и маньяками и смотрела их через ноутбук. Почему ее интересовали эти кровожадные монстры, Виктор не понимал. Он просто наблюдал за ней. Лиза сидела на краешке кровати в мужской рубашке, Силов сразу же повыкидывал все ночнушки жены, и вздрагивала при каждом долби-звукe, тихо-тихо улыбалась сама себе.

Виктор молча забирал пульт из рук Лизы и выключал телевизор. Девушка забиралась под одеяло, но так, чтобы рассмотреть или, по крайней мере, расслышать конец фильма, который продолжал шокировать ночную комнату уже из ноутбука. Поэтому очки она не снимала, а Виктору это очень нрави-